

Дмитрий Бирюков, Артём Гравин

От потебнианства к магической интенциональности:
к вопросу о становлении лингвофилософии
отца Павла Флоренского*

DMITRY BIRIUKOV, ARTYOM GRAVIN
FROM POTEBNJA TO MAGIC INTENTIONALITY:
ON THE QUESTION OF PAVEL FLORENSKY'S LINGUOPHILOSOPHY

АБСТРАКТ. The article discusses the features of Pavel Florensky's linguophilosophy, reveals its methodological foundations and analyzes its inherent linguistic concept of magicism. The general sources of Florensky's approach based on the reception of Palamism and Humboldtianism are considered. The reception of Humboldt's and Potebnja's linguistic scheme carried out by Florensky in the works of the late 1900s is analyzed, and the specificity of Florensky's understanding of the sound dimension of the word in its connection with *etymon* as an internal form is emphasized. From this perspective, the peculiarities of Florensky's understanding of the names applied to God in his "onomatodoxy" works of the early 1910s are also indicated. The development of Florensky's own linguistic scheme in the works of the turn of the 1920s is analyzed in the sense of presenting an intentionally charged *sememe* at the base of the internal form of the word and using the Palamite discourse of essence and energy in linguo-philosophical constructions. It is shown that the change in Florensky's linguo-philosophical constructions regarding the structure of the word influenced the formation of the concept of magicism as a special manifestation of the actioning foundation of the word. Thus, the concept of the word's magicism is analyzed in the article from

© Д.С. Бирюков (Санкт-Петербург). dbirjuk@gmail.com. Социологический институт Российской академии наук – филиал ФНИСЦ РАН.

© А.А. Гравин (Санкт-Петербург). nagval_89@mail.ru. Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Социологический институт Российской академии наук – филиал ФНИСЦ РАН.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 18.1 (2023)

DOI: 10.25985/PI.18.1.12

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00134, «Наследие византийской философии в русской и западноевропейской философии XX–XXI вв.», в Социологическом институте Российской академии наук – филиале ФНИСЦ РАН.

two interrelated positions: autonomous and intentional. This analysis makes it possible to assert that in Florensky's reflections on the word, the Humboldtian-Potebnian and magicism-oriented lines converge in the principle of intentionality.

KEYWORDS: magicism, intentionality, linguophilosophy, Florensky, Potebnja, Palamism, Humboldtianism.

Введение

Философия языка отца Павла Флоренского вызывает исторический и концептуальный интерес у исследователей уже не одно десятилетие. В первую очередь это относится к ряду самобытных идей, которые определяют Флоренского как мыслителя, склонного к мистическому пониманию лингвистических категорий. Будучи апологетом имяславия, Флоренский пытался выстроить такую философию языка, которая, с одной стороны, использовала бы современный ему философский аппарат и, с другой, включала бы в себя религиозное измерение.

Лингвофилософия Флоренского формировалась в несколько этапов и имела в качестве источника рецепцию двух интеллектуальных традиций: паламизма и гумбольдтианства.

Один из авторов настоящей статьи уже проделывал анализ деталей рецепции Флоренским паламитского учения¹, то есть учения, сформулированного византийским богословом Григорием Паламой, о различении в Боге, с одной стороны, измерения неявленного — непознаваемой и непричастуемой сущности (οὐσία) и, с другой, явленного — познаваемых и причастуемых энергий (ἐνέργεια). В рамках этого анализа было показано, что специфика рецепции Флоренским паламитского учения заключается в отнесении паламитского различения сущности и энергий к любому сущему (тогда как у Паламы это различение относится только к Богу). Соответственно, как мы увидим, это различение между непознаваемой сущностью и познаваемыми энергиями распространяется Флоренским и на сферу языка.

¹ Biriukov 2021; Бирюков 2021.

Другим важнейшим инструментарием, который, использовал Флоренский, является различие между и действенным, динамичным (энергия, ἐνέργεια) и статичным, вещным (эргон, ἔργον) измерениями языка. Такое представление было заимствовано Флоренским из гумбольдтианства и самобытно переосмыслено.

В начале XIX в. в Германии Вильгельм фон Гумбольдт разработал учение, в рамках которого размышлял о природе корреляции между языком того или иного народа и его коллективным менталитетом. Согласно интуиции Гумбольдта, в различии языков проявляется различие в творческом видении мира разными общностями. Исходя из этой интуиции впоследствии были сформированы фундаментальные концепты, повлиявшие на последующее развитие европейской философии языка: концепты внутренней/внешней формы, энергии и эргона. Внутренняя форма языка, определяющая его динамическую целостность и специфичность взгляда на мир у Гумбольдта тесно связана с идеей языковой энергии, противопоставленной эргону: язык здесь представлен диалектической связью деятельности, творческой «энергии» народного духа, и устойчивой структуры языка — эргона².

Гумбольдтовский инструментарий описания языка прижился в России во многом благодаря Александру Потемне, который перенес макролингвистическую схему языка Гумбольдта с ее характерной для романтизма креатологической нагрузкой на уровень слова как такового. На основании гумбольдтовских понятий «внутренняя форма» и «энергия» Потемня развил собственные идеи в теоретической лингвистике и теоретической поэтике. Внутренняя форма слова, имеющая этимологическо-образную природу и антиномически посредствующая между фонемой и коннотатом, оказывается у Потемни динамическим и энергетическим началом в языке, обуславливающим его креативно-поэтическую составляющую.

В своей важнейшей работе «Мысль и язык» Александр Потемня выделял следующую лингвистическую схему:

² По Гумбольдту попытка «ухватить» язык в его сущности обречена на неудачу, а единственным способом приобщиться к нему оказывается осознание его энергии как целостности внутренней формы.

В слове мы различаем: внешнюю форму, то есть членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание³. Таким образом, внутреннюю форму слова Потебня связывает с его этимологическим значением и содержанием (смыслом), которое за ним стоит, а внешнюю форму слова — с его звучанием.

Это существенным образом повлияло на формирование теорий языка — и в особенности поэтического языка — в русском модернизме начала XIX в., с его логоцентризмом и акцентом на автономии слова⁴. От учения Потебни о языке отталкивался и Флоренский в своих размышлениях о природе слова.

*Рецепция Флоренским лингвистической
схемы Гумбольдта и Потебни в конце 1900-х гг.*

Одно из самых ранних описаний структуры слова представлено у Флоренского в лекциях по истории античной философии, прочитанных им в Московский духовной академии в 1908–1910 гг. В этих лекциях Флоренский, отвлекаясь от собственно истории философии, размышляет о природе языка и именования.

Базовая интуиция, проводимая Флоренским в этих лекциях, состоит в том, что «имя вещи — не только „пустая“ кличка объекта, не „звук и дым“, не условная и случайная выдумка *ex consensu omnium*, с согласия всех, а полное смысла обозначение его. Короче, имя вещи есть опознанная или могущая быть опознанной суть вещи»⁵.

Рассуждая в этих лекциях о природе имени, Флоренский берет за основу гумбольдтианское различие между *ἐνέργεια* и *ἔργον* и утверждает в языке оба этих измерения — динамическую «деятельность», *ἐνέργεια* и статичное «дело», *ἔργον*. По Флоренскому,

³ Потебня 1999: 156.

⁴ Подробнее об особенностях лингвофилософии русского символизма см. Гравин 2022b.

⁵ Флоренский 2015: 95.

в качестве энергии язык представляет собой личное творчество индивида и проявление его свободы. В качестве эргона — статический элемент, проявленный, например, в общепринятых правилах грамматики. В этом отношении язык является надиндивидуальной реальией, «достоянием» человеческой общности (народа) как целого, образованием внешним, принудительным и ограничивающим для личности. Тем не менее, внутри этих «эргонных» границ, по Флоренскому, может проявляться креатологическая-энергетическая функция языка, постоянно актуализируемая его конкретными носителями⁶.

Флоренский далее отталкивается от языковой схемы Потевни и связывает внешнюю форму слова с фонемой, а внутреннюю форму слова — с его этимологическим значением и идеей (смыслом), к которой это значение отсылает⁷. Так, он переосмысляет потевнианскую схему языка, рассуждая о месте звучания (φωνή) в составе слова и исходит из базовой интуиции о том, что в слове обнаруживается схематическое соответствие между звучанием (фонемой), звуковой структурой (морфемой), общим протозначением (этимомом) и данным конкретным значением (семемой)⁸. При этом отправной точкой здесь является фонема, от которой осуществляется смысловое «движение» к семеме⁹.

В итоге Флоренский изображает парадоксальную графическую схему слова, где звучание, φωνή, хоть и маркировано в качестве внешней формы, оказывается внутри словесной схемы, тогда как этимон, соответствующий внутренней форме слова, располагается вовне¹⁰. При этом соответствие между звучанием сло-

⁶ Флоренский 2015: 51–52.

⁷ Флоренский 2015: 96–98.

⁸ Флоренский 2015: 105.

⁹ Эта близость и связность между фонемой и семемой иллюстрируется Флоренским анатомически: сознание человека непосредственно связано с его телом, а значит, мысль в сознании приводит к сокращению мышц и прежде всего — голосовых мышц. Даже в случае мышления, которое имеет место без издаваемого звука, артикуляционное сокращение мышц происходит, но без испускания воздуха. В этом случае, Флоренский говорит о потенциальных звуках и «неслышном» слове (Флоренский 2015: 60).

¹⁰ На основе этих рассуждений в лекциях по истории античной филосо-

ва и остальными элементами словесной структуры, по мысли Флоренского, указывает на действенную в отношении предметной реальности природу слова¹¹. На рисунке 1 приведена характеризующая это переосмысление схемы Потебни схема из работы Флоренского «Из истории античной философии».

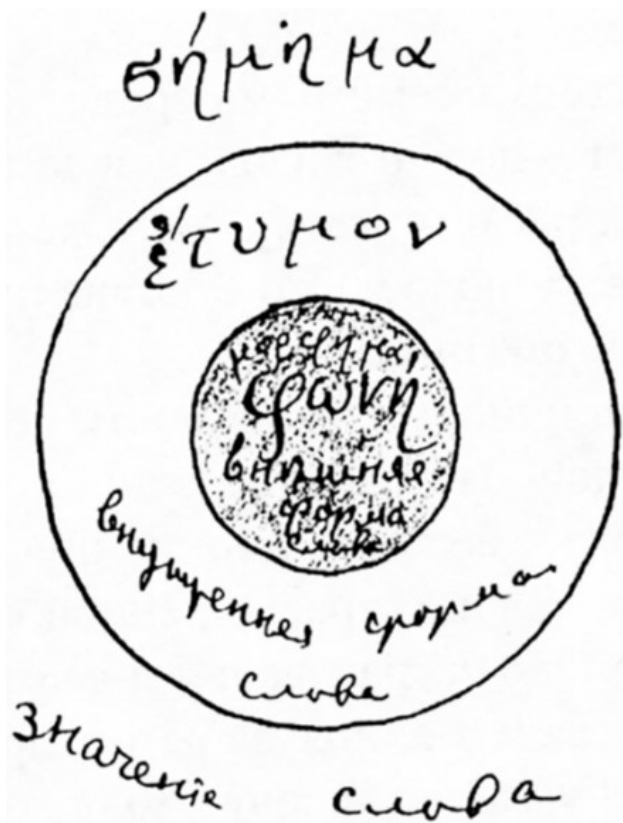

Рис. 1. Схематическое представление строения слова. Авторский рисунок отца Павла Флоренского¹².

фии, позже, в 1922 г., Флоренский составил текст «Строение слова» (Флоренский 2000d).

¹¹ Флоренский 2015: 103–104.

¹² Флоренский 2015: 110.

*Специфика понимания Флоренским имен,
прилагаемых к Богу, в начале 1910-х гг.*

Описанные выше представления Флоренского относительно словесной структуры, предполагающей жесткую связь между фонемой, морфемой, этимоном и семемой, ярко проявилась и в его позиции в качестве участника имяславских споров, в рамках которых обсуждалась возможность присутствия Бога в относимых к Богу именах¹³.

При этом радикальная позиция Флоренского, подразумевающая присутствие Бога в звуках Его имени, вызывала подозрения даже у его соратников-имяславцев. Судя по его переписке с Антонием Булатовичем, ведущим публичным защитником имяславия в 1910-х гг., еще на самой ранней стадии имяславских споров велись дискуссии вокруг вопроса о статусе звуков в именах, прилагаемых к Богу, и в имени «Иисус». В этом отношении позиция Флоренского, настаивавшего на том, что божественность распространяется и на сами звуки и буквы имени «Иисус», не находила понимания у других защитников имяславия.

Так, в письме от 2 декабря 1912 г., Булатович писал Флоренскому, отвечая на, по всей видимости, несохранившееся письмо последнего:

Вы высказываете мысль, что Имя Иисус есть Бог вместе со звуками Его. Я очень охотно готов этому верить, но пока не имею достаточных данных, чтобы это утверждать. <...> Звуки по строению своему не суть ни существо, ни вещество, но дрожание воздушной волны, следовательно, о преложении сего колебания во Христа едва ли может быть речь. Наконец, звуки не суть принадлежность необходимая Имени Господня и вообще слова, ибо слово действует в уме и беззвучно. Поэтому я скорей склонен смотреть на звуки так же, как на буквы, т.е. как на *условные знаки*¹⁴.

¹³ Характерно, что в ходе этих споров Флоренский открыл для себя паламитское учение. При этом в работах 1910-х гг. Флоренский использовал паламитское различие между сущностью и энергиями только для построения своей «формулы имяславия», не прикладывая его к сфере языка как такового (как мы увидим, Флоренский будет делать это позднее). См. Бирюков 2021.

¹⁴ Булатович 1998: 78.

Подобное понимание Флоренским имен, прилагаемых к Богу, отражено и в его собственных текстах, относящихся к ранней стадии имяславских споров. Так, в своих написанных «в стол» примерно в середине 1913 г. критических заметках к статье архиепископа Никона Рождественского «Великое искушение около святейшего имени Божия» Флоренский выражает позицию, согласно которой в имени Бога звук и смысл (представление) существуют слитно и неразделимо друг от друга. Комментируя слова Никона, «Не от звуков имени, не от отвлеченной идеи, не от умопредставляемого имени, а от Самого Бога льется на него луч благодати», Флоренский настаивает, что так же, как в Евхаристии хлеб и вино нераздельно соединены с божественной благодатью и одно может быть отделено от другого лишь в абстрактном отвлечении, так и в имени Бога звук и представление (смысл) составляют реальное неразличимое единство:

Противопоставление звуков Богу имеет смысл только в устах позитивиста, каков Никон, и для коего не может быть ничего в мире, что «не от мира». Да, «не от звуков», но в том-то и дело, что в Имени нет ни звуков, ни представления, как нет во Св<ятых> Дарах хлеба и вина и как нет в Слове Божиим языка. Раз произошло соединение горнего с дольным, то уже нельзя противопоставлять одно другому реально, а можно лишь в отвлечении¹⁵.

Основанием для этой позиции Флоренского являлось то понимание, что имя Божие, включая все его составляющие, является обоженным и сосуществует с Божеством неслитно и неотделимо. В этом отношении Флоренский имплицитно отсылает к известной Халкидонитской формуле, описывающей в этих терминах соотношение Божественной и человеческой природ во Христе. Соответственно, он обвиняет противников имяславия в несториянстве; об этом Флоренский пишет в своих замечаниях на книгу Булатовича «Апология веры во имя Божие и во имя Иисус»:

Несторий разделял человеческое естество от Божеского, и именно это делают имеборцы, разделяя Его. Мы, православные, при-

¹⁵ Флоренский 2000г: 312, 301.

знаем Имя Иисус обоженным, и потому хотя с Божеством неслитным, но от Него неотделимым. Где Тело Господа — там и Он, где Имя Его — там и Он, где Имя Его — там и Он, со всею полнотою Своей Божественной природы. Мы не делим естеств (имеборцы, несториане), но и не сливаем их¹⁶.

Таким образом, специфика лингвофилософии Флоренского 1910-х гг. состоит в акценте на взаимосвязи в слове звуковой и смысловой составляющих: это может быть акцент на сокровенной связи этих составляющих в случае естественного языка¹⁷, или же на их слитности в случае сакрального языка.

Данная специфика отличает лингвофилософскую интуицию Флоренского как от подхода его близкого соратника С.Н. Булгакова, у которого слова представляют собой средства для приближения к Софии, так и от философии языка его последователя в первой половине 1920-х гг. А.Ф. Лосева, у которого слова естественного языка обретают собственное существование только в перспективе трансцендентного праязыка¹⁸.

*Развитие Флоренским потебнианской
языковой схемы на рубеже 1920-х гг.*

Стивен Кэссиди¹⁹ в своем исследовании философии языка отца Павла Флоренского обращает внимание на существенное отличие в раскрытии Флоренским темы внутренней формы слова от соответствующего учения Потебни, на которое первый опирался. Для обоих мыслителей наиболее важным сущностным измерением слова является его внутренняя форма. При этом, как показывает Кэссиди²⁰, Флоренский и Потебня понимают ее по-разному: у Потебни внутренняя форма слова включает в себя ста-

¹⁶ Флоренский 2000f: 296.

¹⁷ В случае естественного языка эта позиция Флоренского проявляется в его стремлении к раскрытию смысла исследуемого слова на основании его звуко-этимологической основы.

¹⁸ Подробнее об этом различии см. Гравин 2021 и 2022a.

¹⁹ Cassedy 1991: 543–547.

²⁰ Cassedy 1991: 545.

тичный этимон, вокруг которого фиксируются динамичные звуковая плоть и конкретное значение; у Флоренского же к внутренней форме относится динамическая семема, зависящая от индивидуальных свойств речи говорящего, а к внешней форме относятся статичные и универсальные по отношению к речевому употреблению фонема и морфема/этимон²¹.

Проблематичность интерпретации Кэссиди заключается в том, что он не учитывает исторического развития учения о внутренней форме слова Флоренского. Действительно, как мы видели, в своих ранних лекциях по античной философии Флоренский эксплицитно следует именно потебнианскому пониманию внутренней формы слова, предполагающему, что этой внутренней формой является этимон. Однако по приведенной выше графической схеме (рис. 1) видно, что Флоренский уже тогда отходил от потебнианского понимания внутренней формы.

В текстах же, относящихся к концу 1910-х – началу 1920-х гг., Флоренский действительно эксплицитно переосмысливает потебнианское понимание внутренней формы слова. Именно относительно этого периода творчества Флоренского справедливы наблюдения Кэссиди.

Итак, в работе «Строение слова» (1919) Флоренский пишет про внешнюю и внутреннюю формы слова:

²¹ В работах этого периода Флоренский немного изменяет употребление термина «этимон», сближая его с морфемой и внешней формой, в то время как смысловое значение слова полностью определяется конкретной семемой. Следует отметить, что при исследовании лингвофилософских схем Флоренского может возникнуть проблема с «местопребыванием» в них этимона, который представляется в связке как как с морфемой, так и с семемой. Если попытаться обобщить взгляд Флоренского на этимон, то следует выделить его как отдельную лингвистическую категорию, которая определяется Флоренским как «истинное и собственное значение слова, основанное на производстве его от корня» (Флоренский 2015: 98). В таком случае этимон представляется: а) более конкретным, чем морфема, которая связана с общей структурой слова; б) более универсальным и абстрактным, чем семема, которая подразумевает частное значение употребляемого в данный момент слова; ср. «этимон ⟨...⟩ есть общий корень всех разнообразных проявлений семемы» (Флоренский 2000d: 219).

Внешняя форма есть тот неизменный, общеобязательный, твердый состав, которым держится всё слово; ее можно уподобить телу организма. Не будь этого тела — не было бы и слова как явления надындивидуального; это тело мы получаем, как духовные существа, от родного народа и без внешней формы не участвовали бы в его речи. <...> Напротив, внутреннюю форму слова естественно сравнить с душой этого тела, бессильно замкнутой в самое себя, покуда у нее нет органа проявления, и разливающую вдале свет сознания, как только такой орган ей дарован. Эта душа слова — его внутренняя форма — происходит от акта духовной жизни. Если о внешней форме можно, хотя бы и приблизительно точно, говорить как о навеки неизменной, то внутреннюю форму правильно понимать как постоянно рождающуюся, как явление самой жизни духа. <...> Процесс речи есть присоединение говорящего к надындивидуальному, соборному единству, взаимопрорастание энергии индивидуального духа и энергии народного, общечеловеческого разума. И поэтому в слове, как встрече двух энергий, необходимо есть форма и той, и другой. Внешняя форма служит общему разуму, а внутренняя — индивидуальному. <...> Если продолжать прежнее сравнение слова с организмом, то в этом теле слова подлежит различению: костяк, главная функция которого сдерживать тело и давать ему форму, и прочие ткани, несущие в себе самую жизнь. На языке лингвистики первое называется фонемой слова, а второе — морфемой. Ясно: морфема служит соединительным звеном между фонемой и внутренней формой слова, или семемой. Таким образом, строение слова трихотомично. Слово может быть представлено как последовательно обхватывающие один другой круги, причем ради наглядности графической схемы слова полезно фонему его представлять себе как основное ядро, или косточку, обвернутую в морфему, на которой в свой черед держится семема²².

Интересно, что Флоренский здесь, в конце цитаты, приводит ту же самую схему строения слова (не графически, а описывая ее словами), что и в лекциях по античной философии, согласно которой внутри словесной сферы находится фонема, обернутая в морфему/этимон, который, в свою очередь, окружает семема.

²² Флоренский 2000d: 213–215.

При этом, ведя речь о внутренней форме слова, Флоренский здесь, в отличие от лекций по античной философии, говорит, что к подвижной внутренней форме слова относится *семема* (а не *этимон/морфема*), а к статичной внешней форме — *морфема* и *фонема*. Именно в этом проявлено отличие схемы слова у Флоренского от соответствующей схемы Потебни. Если же соотнести выраженное здесь представление о внутренней форме слова как семеме с приводимой выше графической схемой строения слова, то мы увидим, что внутренняя форма парадоксальным образом оказывается на самой периферии словесной сферы.

Отметим, что в приведенной цитате из работы «Строение слова» присутствует энергетический дискурс. Более явно эта тема звучит в появившихся вскоре исследованиях Флоренского, посвященных религиозной природе языка. Так, в работе «Об имени Божиим» (1922) Флоренский говорит:

слово, как и всякий символ, лежит вне пределов рационалистического понимания. Тело слова кажется на первый взгляд элементарным. Но даже западноевропейское проникновение в него, в сущности очень грубое и не глубокое, видит в нем три напластования:

1) Нечто физическое — фонему. Под ней разумеется как колебание воздуха (звук), так и те внутренние ощущения организма, которые мы испытываем, производя звуки слова, а также психологический импульс, вызывающий произнесение слова. Таким образом, под первой материей слова, фонемой, разумеются все физиологические и физические явления, какие бывают при произнесении слова.

2) Морфема. Всякое слово подлежит известным категориям (или — говоря на языке познания), отлито в логические категории, напр. *сущность*, *субстанция* и т.д., и грамматические: *род* и т.д. и вообще всё то, что мы примысливаем к первичному представлению (напр., в слове *береза* — всё, что мы знаем о ее росте, осыпании, вкусном соке, ее строении, ее достоинстве как топлива, химические элементы, входящие в ее состав, и т.д. и т.д.).

3) Напластование — семема, значение слова. Оно постоянно колышется и меняется (напр., сегодня я скажу «береза» мечта-

тельно, завтра хозяйственно). Это известный привкус к слову. Яснее он чувствуется в поэзии — из всего типа произведения. Чтобы понять слово правильно, надо понять из контекста, что именно здесь и теперь хотел сказать человек, произнесший слово.

<...>

Фонема есть костяк слова, наиболее неподвижный и менее всего нужный, хотя в то же время он есть необходимое условие жизни слова. Морфема — тело слова, а семема — душа его. Всё это содержание слова присутствует в нем, как в семени присутствует весь организм, как сын получает свой организм от отца и как можно сказать, что отец присутствует в сыне, хотя в то же время организм отца остается при нем и в нем самом и отец ничего не теряет. Здесь видно различие οὐσία и ἐνέργεια, — организм сам по себе и деятельность присутствующей в организме энергии. И эта энергия, будучи отлична от организма, есть в то же время именно его энергия и не отделима от него, так что, прикасаясь к его энергии, мы необходимо должны прикоснуться и к нему самому²³.

Здесь Флоренский рассматривает слово как символ, каковой находится выше пределов рационального понимания. В этом контексте он рассуждает о соотношении фонемы, морфемы и семемы в слове с привлечением языка паламитского богословия, который в этот период Флоренский стал активно использовать в приложении к категории символа²⁴. Он выделяет фонему — физическо-физиологическую составляющую слова, морфему — статичный образ, стоящий за содержанием слова, семему — данные здесь и сейчас в контексте и в интенции конкретного индивида особенности значения слова.

Затем Флоренский обращается к паламитскому различению сущности и энергии. Он представляет слово, уподобляемое организму, как состоящее из этих трех составляющих — фонемы, морфемы и семемы, каждое из которых также понимается как энергизирующий организм. В итоге Флоренский говорит о слове как об энергизирующей сущности, воспринимаемой по энергиям, но самой по себе не охватываемой рациональным пониманием.

²³ Флоренский 2000е: 355–356.

²⁴ См. Biriukov 2021.

Изменение лингвофилософских построений Флоренского относительно словесной структуры повлияло на его понимание действенного/энергичного измерения слова как лингвистической магичности.

Так, феномен магичности слова описывается Флоренским с двух взаимосвязанных друг с другом позиций. Обозначим эти позиции как автономную и интенциональную.

Автономная магичность слова

С точки зрения схематики можно сказать, что понимание магичности слова Флоренским имеет макро- и микроизмерение. На макроуровне предполагается, что в семеме заложены энергии — которые Флоренский называет «окультурными» — народной языковой стихии, сформированные веками употребления слов языка. К этой «окультурной» энергии можно приобщиться и влиться та-ким образом в поток народной языковой стихии:

Всё, что известно нам о слове, побуждает утверждать высокую степень заряженности его оккультурными энергиями нашего существа, в слове запасаемыми и отлагающимися с каждым случаем его употребления. В прослойках семемы слова хранятся неисчерпаемые залежи энергий, отлагавшихся тут веками и истекавших из миллионов уст²⁵.

стоит взяться за кончик нити, свитой в клубок мощною волею и широко объемлющим разумом народа, — и неминуемая последовательность поведет индивидуальный дух вдоль этой всей нити, как бы ни была она длинна, и незаметно для себя этот дух окажется у другого конца нити, в самом средоточии всего клубка, у понятий, чувств и волений, которым он вовсе не думал отдаваться²⁶.

На микроуровне, если брать слово как таковое, магичность проявляется в дискурсе самостоятельного, автономного существования слов и имен. Слова предстают у Флоренского как самостоятельные единицы бытия. Приведем характерные цитаты

²⁵ Флоренский 2000с: 246.

²⁶ Флоренский 2000с: 240.

из работ «Магичность слова» и «Общечеловеческие корни идеализма»:

слово есть самозамкнутый мирок, организм, имеющий тонкую структуру и сложное, тесно сплоченное, строение. <...> Оно имеет в себе момент физико-химический, соответствующий телу, момент психологический, соответствующий душе, и момент одический или вообще оккультный, соответствующий телу астральному²⁷

Слово кудесника есть эманация его воли: это — выделение души его, самостоятельный центр сил, — как бы живое существо, с телом, сотканным из воздуха, и внутренней структурой — формой звуковой волны²⁸.

Помимо этого такой взгляд определял исследовательский интерес Флоренского к смыслу частей слов, отдельных букв, звучаний, выделению в них культурного, метафизического, математического и иных слоев²⁹.

Относительно же имен, в качестве примера звуко-ориентированности лингвофилософии Флоренского можно привести анализ Флоренским «звуко-онтологического строения» имени Мариула³⁰ в работе «Имена». Так, Флоренский производит здесь транскрипцию на иврит каждой буквы этого имени, соотносит их с числами и последовательно анализирует значение каждого буквенного элемента. На основе этого Флоренский делает вывод о том, что скрыто за этим именем:

в имени *Мариула* звуками передано пассивное и вместе с тем внешнее действие природы женской, разумея эту характеристи-

²⁷ Флоренский 2000с: 246. Трехотомия тело / душа / астральное тело у Флоренского аналогична лингвистической трехотомии фонема / морфема-этимон / семема.

²⁸ Флоренский 2000h: 158.

²⁹ Отметим, что подобная звуко-ориентированность, звуковой «путь к тайне слова» принципиально отличает подход Флоренского от подхода Потемби. См. Бонцкая 2018: 368.

³⁰ Речь идет о героине поэмы А.С. Пушкина «Цыганы».

ку пола в плане низшем, материальном. Это действие захватывает пространство, беспредельно простирается вперед, потому что имеет собственное движение. Это есть проявление внутренней мощи, но не в высшем своем светоносном плане, а на границе бытия с небытием, — хотя и не чисто вещественное движение, но нечто близкое к нему³⁰.

Как отмечает Донателла Феррари-Браво, метод анализа имен у Флоренского имеет параллели в каббалистических лингвистических практиках³², к которым Флоренский нередко обращался. Интересно, что Каббале были посвящены специальные лекции Флоренского, которые еще не опубликованы. Предварительный анализ этих лекций, произведенный Анной Резниченко, показывает пристальный интерес Флоренского к идее универсального алфавита, выделении словесных первоэлементов языка и др.³³

Эта линия в учении Флоренского предполагает, что магичность свойственна всякому слову по природе вне связи с интенцией произносящего слово человека. Однако учение о магичности языка возникает у Флоренского и в связи с темой интенциональности.

Интенциональная магичность слова

Действительно, мы видели в вышеприведенном фрагменте работы Флоренского «Об имени Божиим», что, в отличие от его более ранних лекций по античной философии, здесь внутренняя форма слова связывается с семемой, которая, в свою очередь, понимается не просто как значение слова, но как интенциональное значение.

Для прояснения этого аспекта представим его в более широком контексте. Из всей совокупности слов Флоренский выделяет такие, которые обладают особыми свойствами³⁴ (ведя речь об

³⁰ Флоренский 2000i: 177.

³² Ferrarì-Bravo 1988: 143.

³³ См. Резниченко 2017.

³⁴ Резниченко 2014: 284.

этом, Флоренский использует различные понятия для описания этих свойств: магическая мощь, зрелость, насыщенность, синтетичность, сгущенность). В работе «Магичность слова» Флоренский говорит об иерархии классов слов в зависимости от степени лингвистической «магической мощи», то есть воздействия слова на предметную действительность (денотат): обычное слово, термин, формула, собственное имя³⁵.

Различные ступени этой иерархии знаменуют различную меру присутствия ноуменального в чувственной звуковой плоти слова. При этом данная мера зависит, по Флоренскому, от интенциональности. Флоренский утверждает, что малая степень «магической мощи» практически не требует наличия волевого намерения при произнесении слова:

магически мощное слово не требует, по крайней мере на низших ступенях магии, непременно индивидуально-личного напряжения воли, или даже ясного сознания его смысла³⁶.

Чем больше магическая мощь слова, тем в большей степени играет роль интенционально-волевой момент при его использовании. Так, говоря об именах собственных, наиболее магически сильным по Флоренскому классу слов, он упоминает и волевое начало индивида, которое должно быть проявлено, чтобы имя действовало:

Имя само благословляет или проклиняет, а мы являемся лишь орудием для его действия и той благоприятной средой, в которой оно действует. Имя управляет мной, хотя на это требуется мое соизволение³⁷.

Также интенциональный аспект имеет значение в словесных выражениях (формулах) различных религиозных практик: священнических молитвах, заговорах, наговорах. Все эти типы гово-

³⁵ Флоренский 2000с: 241. Этот акцент на максимальной значимости имен собственных также отличает подход Флоренского от подхода Потебни (см. Бонечкая 2018: 364).

³⁶ Флоренский 2000с: 241.

³⁷ Флоренский 2000с, 360.

рения, даже если смысл произносимого неясен, требуют, по Флоренскому, намерения их реализации (интенции). В «Магичности слова» Флоренский отмечает:

Знахарка, шепчущая заговоры или наговоры, точный смысл которых она не понимает, или священнослужитель, произносящий молитвы, в которых иное и самому ему не ясно, вовсе не такие нелепые явления, как это кажется сперва; раз заговор произносится, тем самым высказывается, тем самым устанавливается и наличность соответствующей и н т е н ц и и, — н а м е р е н и я произнести их. А этим — контакт слова с личностью установлен, и главное дело сделано: остальное пойдет уже само собою, в силу того, что самое слово уже есть живой организм, имеющий свою структуру и свои энергии. Конечно, лучшее понимание, большее вчувствование и напряженное воление были бы к сему благоприятными факторами раскрытия слова в данном случае; но этот фактор скорее прочищает засоренные протоки слову, чем создает самое действие, и, после известного минимума достигнутого, уже не безусловно необходим³⁸.

Таким образом, можно говорить не только о магичности слов в смысле признания их в некотором роде автономной мистической силы, но и об интенциональном аспекте магичности, учитывающим намерение человека, произносящего «магическую» формулу. Это намерение человека здесь оказывается импульсом к актуализации магического потенциала слов.

Если смотреть на этот интенциональный аспект магичности через призму лингвофилософии и учения Флоренского о структуре слова в его версии рубежа 1920-х гг., то верным было бы сказать, что, по Флоренскому, эта актуализация интенцией магического потенциала слова осуществляется через семему:

каждый из нас придает пластичной семеме слова свое, соответствующее потребности данного случая значение; у каждого коренное значение связывается с неуловимыми, но весьма существенными духовными обертонами, сознание каждого слова пускает свои воздушные корни³⁹.

³⁸ Флоренский 2000с: 249.

³⁹ Флоренский 2000d: 229.

Заключение

Мы проанализировали развитие учения о языке и слове у отца Павла Флоренского с конца 1900-х гг. до первой половины 1920-х гг. в контексте двух линий влияния, на основании которых это учение складывалась. Это, с одной стороны, гумбольдтианско-потембианское различие между энергией и эргоном в языке и учение о внутренней форме слова, и, с другой, паламитское различие между сущностью и энергий в Боге.

В своих размышлениях о языке Флоренский исходит из базовой интуиции, состоящей в том, что в слове обнаруживается соответствие между звучанием (фонемой), структурой (морфемой), общим протозначением (этимомом), данным конкретным значением (семемой) и денотатом. Тем не менее характер и особенности этого соответствия претерпевали концептуальные изменения.

В лекциях по истории античной философии, в 1908–1910 гг., Флоренский обращается к гумбольдтианской лингвофилософии и следует потембианской схеме, где внешняя форма слова связывается с фонемой, а внутренняя форма — с этимомом и семемой. При этом Флоренский изображает парадоксальную графическую схему слова, где звучание, хоть и маркировано в качестве внешней формы, всё же оказывается внутри словесной сферы, тогда как этимон, соответствующий внутренней форме слова, расположен вовне этой внешней сферы — сферы звучания.

В начале 1910-х гг. Флоренский, став участником имяславских споров, также проводил линию, предполагающую жесткую связь между звучанием слова (имени, прикладываемого к Богу), его значением и денотатом. В ходе этих споров Флоренский начал апроприацию паламитского дискурса различения непознаваемой сущности и познаваемых энергий в Боге и стал прикладывать это различие ко всякому сущему.

Все эти этапы синтезировались в размышлениях Флоренского о природе языка на рубеже 1920-х гг. С одной стороны, он снова

обращается к гумбольдтианско-потебнианской схеме устройства слова, но переосмысляет ее, ведя речь об интенционально заряженной семеме в качестве внутренней формы. С другой стороны, он всё больше применяет к слову паламитский язык, различающий непознаваемую сущность и познаваемые энергии этой сущности, при описании структуры слова представляя его как энергующую сущность.

На основании данной лингвистической схематики Флоренский также выстраивал собственное понимание лингвистической магичности. Еще в своих ранних лекциях по истории античной философии Флоренский обращается к теме магичности слова. В текстах Флоренского, написанных на рубеже 1920-х гг., эта тема находит свое развитие.

В этих текстах мы выделяем два ключевых для Флоренского аспекта понимания магичности слова: аспект, проявляющийся в дискурсе самостоятельного, автономного существования слов и имен, и аспект, предполагающий интенционально-волевой момент в феномене магичности слова. Обе позиции связываются Флоренским с иерархией лингвистической «магической мощи», то есть меры влияния слова на предметную действительность. При этом мера «магической мощи» слова связывается Флоренским с мерой присутствия личностной интенции в речи. Здесь, в этом принципе интенциональности, гумбольдтианско-потебнианская линия и магиико-ориентированная линия в размышлениях Флоренского о слове, обе намеченные в конце 1900-х гг. в его лекциях по истории античной философии, сходятся.

Литература

- Бирюков, Д.С. (2021), “Рецепция паламизма в имяславском наследии А.Ф. Лосева. Часть 1: Датировка статьи «Имяславие» («Die Onomatodoxie (russisch „Imiaslavie“)) Лосева и вопрос зависимости этой статьи от имяславских текстов П.А. Флоренского”, *Платоновские исследования* 14.1: 189–202.
- Бонецкая, Н.К. (2018), *Между Логосом и Софией (Работы разных лет)*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Булатович, А. (1998), “Иеросхимонах Антоний (Булатович) — Флоренскому 2 декабря 1912 г.”, in *Архив священника Павла Александровича Флоренского*. Вып. 2: *Переписка с М.А. Новоселовым*, 77–79. Томск: Издательство «Водолей»; Издание А. Сотникова; Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского.
- Гравин, А.А. (2021), “Лингвофилософские основания и тенденции имяславия, Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций”, *Архив конференции. Выпуск 1: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 1–2 октября 2021 г.)*. ФНИСЦ РАН; РХГА, 140–145. СПб.: Издательство РХГА.
- Гравин, А.А. (2022a), “Осмысление имяславия в современной отечественной лингвофилософии”, *Платоновские исследования* 16.1: 266–285.
- Гравин, А.А. (2022b), “Символизм Вячеслава Иванова и Андрея Белого в свете предикативной концепции Людмилы Гоготишвили”, *Соловьевские исследования* 76.4: 133–147.
- Новоселов, М.А. (1998), “Новоселов 9 ноября 1919 г.”, in *Архив священника Павла Александровича Флоренского*. Вып. 2: *Переписка с М.А. Новоселовым*, 189–190. Томск: Издательство «Водолей»; Издание А. Сотникова; Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского.
- Потебня, Н.А. (1999), *Мысль и язык*. М.: Лабиринт.
- Резниченко, А.И. (2014), “О судьбах имен и терминов: к становлению философии языка в России (П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев, В.П. Зубов)”, *Историко-философский ежегодник* 29: 278–295.
- Резниченко, А.И. (2017), “Павел Флоренский, Андрей Белый и Каббала”, in *Сад расходящихся троп. Флоренский, Розанов, Дурылин et cetera*. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 5–6 мая 2017 г., 49–50. М.: РГГУ.

- Резниченко, А.И. (2018), “От магии звука к магии слова. Павел Флоренский между символизмом и авангардом”, in *Значение – Смысл – Символ: теология, философия и эстетика на рубеже веков. Материалы III международной научной конференции 26–28 ноября 2018 г. Рим, Италия*, 25–26. М.: РГГУ.
- Флоренский, П. (2000a), “Антиномия языка”, in *Сочинения в четырех томах*. Т. 3 (1), 141–185. М.: Мысль.
- Флоренский, П. (2000b), “Имеславие как философская предпосылка”, in *Сочинения в четырех томах*. Т. 3 (1), 252–286. М.: Мысль.
- Флоренский, П. (2000c), “Магичность слова”, in *Сочинения в четырех томах*. Т. 3 (1), 230–249. М.: Мысль.
- Флоренский, П. (2000d), “Строение слова”, in *Сочинения в четырех томах*. Т. 3 (1), 212–230. М.: Мысль.
- Флоренский, П. (2000e), “Об Имени Божиим”, in *Сочинения в четырех томах*. Т. 3 (1), 352–362. М.: Мысль.
- Флоренский, П. (2000f), “Тезисы об Имени Божиим из Послания Святейшего Синода от 18 мая 1913 г.”, in *Сочинения в четырех томах*. Т. 3 (1), 298–299. М.: Мысль.
- Флоренский, П. (2000g), “Примечания священника Павла Флоренского к статье архиепископа Никона «Великое искушение около святейшего Имени Божия»”, in *Сочинения в четырех томах*. Т. 3 (1), 299–344. М.: Мысль.
- Флоренский, П. (2000h), “Общечеловеческие корни идеализма”, in *Сочинения в четырех томах*. Т. 3 (2). М.: Мысль. с. 145–168.
- Флоренский, П. (2000i), “Имена”, in *Сочинения в четырех томах*. Т. 3 (2). М.: Мысль. с. 171–274.
- Флоренский, П. (2004), *Философия культа*. М.: Мысль.
- Флоренский, П. (2015), *Из истории античной философии*. М.: Академический проект.
- Biriukov, D. (2021), “‘Synergy’, ‘energy’ and ‘symbol’ in Pavel Florensky and Palamism”, *Scottish Journal of Theology* 74: 147–157.
- Cassedy, S. (1991), “Pavel Florenskij’s Philosophy of Language: Its Contextuality and Its Context”, *The Slavic and East European Journal* 35.4: 537–552.
- Ferrari-Bravo, D. (1990), “More on Bakhtin and Florensky”, *Critical Studies* 2.1/2: 111–122.
- Ferrari-Bravo, D. (1987), “The Concept of the Word in Bakhtin and Florensky”, *Europa orientalis* 6: 135–149.